

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2010

УДК 616-091:93(470)

Ключевые слова: *Полунин, Рокитанский, Вирхов, кафедра патологической анатомии Московского университета.*

А. М. Сточик, М. А. Пальцев, С. Н. Затравкин

ИЗ ИСТОРИИ ПАТОЛОГИИ XIX ВЕКА. РЕФОРМА ПАТОЛОГИИ В СУДЬБЕ ПЕРВОГО ПРОФЕССОРА ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А. И. ПОЛУНИНА

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова; НИИ истории медицины РАМН, 119887, Москва, ул. Трубецкая, д.8

Начатая Р. Вирховом и продолженная его учениками и последователями реформа патологии стала определяющим фактором бурного развития теоретической и клинической медицины. Однако "время соревнования открытий" наступило далеко не одновременно с признанием вирховских идей. Внедрение в массовое врачебное сознание принципиально новых взглядов на болезнь и новых подходов к познанию и изучению патологических процессов протекало непросто. Далеко не все врачи и патологи, даже из числа тех, кто согласился с правотой Р. Вирхова, смогли в одночасье поменять свои взгляды. Для многих из них необходимость отказа от привычных алгоритмов мышления обернулась профессиоанальной и личной трагедией. Доказательством сказанного может служить судьба одного из наиболее ярких профессоров медицинского факультета 50-х годов XIX столетия, первого заведующего кафедрой патологической анатомии и патологической физиологии Московского университета А. И. Полунина.

А. И. Полунин возглавил кафедру в 1849 г., когда стаж его самостоятельной педагогической работы едва насчитывал полгода, а ему самому не исполнилось и 29 лет. История медицинского факультета Московского университета знала примеры назначений на профессорские должности столь молодых преподавателей, но никогда прежде новичкам не доводилось решать столь масштабные и сложные задачи, как те, что выпали на долю А. И. Полунина. Ему надлежало создать одну из самых больших кафедр медицинского факультета, на которой помимо лекционных курсов следовало организовать проведение практических занятий и обеспечить условия для приобретения студентами навыков самостоятельной прозекторской работы.

Медицинский факультет и руководители университета не многим помогли молодому профессору в решении стоявших перед ним задач. Предоставленный ему "стартовый капитал" состоял из небольшой патолого-анатомической коллекции госпитальной клиники¹, нескольких наборов инструментов и часовенки во дворе Ново-Екатерининской больницы для размещения кафедры.

¹ Коллекция включала в себя 120 спиртовых препаратов, 183 препарата из папье-маше, 15 гипсовых препаратов, 47 костей, 11 сухих препаратов, 42 рисунка, 2 фантома, собрание мочевых камней.

Часовня представляла собой ветхий деревянный домик общей площадью чуть более 350 м², разделенный на три комнаты. Одна большая комната служила секционным залом и аудиторией, вторая — музеем кафедры и одновременно кабинетом профессора, третья — "покойницей"². Уже в начале 50-х годов XIX века, когда на медицинском факультете Московского университета училось чуть более 100 человек на курсе, этих помещений едва хватало для целей учебного процесса. Когда же число учащихся на каждом курсе перевалило за 200, учить и учиться в этих помещениях стало практически невозможно. Но невероятной теснотой дело не ограничивалось. В предоставленных кафедре помещениях было тяжело не только учиться и работать, но и даже просто находиться, причем тяжело как физически, так и морально. "...Как аудитория, так и небольшой кабинет при ней чрезвычайно неудобны..., — писал А. И. Полунин в одном из своих многочисленных "Прошений" в Совет факультета. — В одном и том же здании в одной комнате читаются лекции и вскрываются трупы, а в другой, прилежащей к первой, читают псалтырь над покойниками, плачут около них, отпевают их... В нем (здании) местами худы полы, местами в ненастное время течет вода через потолок [13, с. 50]. Помещение не отапливалось, и, по воспоминаниям В. Ф. Снегирева, "холод ... был такой, что нельзя было снимать калоши и теплую одежду" [5, с. 55].

А. И. Полунин неоднократно обращался в высшие инстанции с просьбами изыскать возможности для строительства отдельного каменного здания для кафедры. Однако даже в 60—70-х годах XIX века, когда он сам стал деканом медицинского факультета и в течение нескольких лет исполнял обязанности ректора университета³, его обращения остались без ответа. Все, чего смог добиться А. И. Полунин, это залатать крышу, поправить полы, заложить камин и пристроить к часовне, официально именовавшейся "Анатомико-патологическим кабинетом", небольшой деревянный флигель, чтобы перевести в него "покойницу".

² В 60-х годах XIX века в этой комнате будет находиться кабинет прозектора.

³ 27 мая 1867 г. А. И. Полунин был избран Советом Московского университета и 28 июля 1867 г. утвержден Министерством народного просвещения и. о. ректора Московского университета "на срок до 25 января 1869 г." (ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 36. — Д. 176).

Не помог медицинский факультет А. И. Полунина и в вопросе обеспечения наглядности учебного процесса. О том, чтобы передать в ведение профессора патологической анатомии созданную А. И. Овером патолого-анатомическую коллекцию факультетской терапевтической клиники, речь даже не заходила. А. И. Полунин несколько раз просил предоставить ему для целей учебного процесса во временное пользование "патологическую часть из Университетского анатомического собрания", но профессора кафедры нормальной анатомии Л. С. Севрук, а позже И. М. Соколов заняли непримиримо негативную позицию, безапелляционно заявив, что разделение коллекции нанесет ей непоправимый ущерб⁴.

Приняв кафедру, А. И. Полунин оказался в непростой ситуации, но с честью вышел из нее. В этом ему прежде всего помогли его личные качества. Добрый, бескорыстный, трудолюбивый, искренне увлеченный специальностью, ответственный и бесконфликтный человек, А. И. Полунин не стал искать в отсутствии условий для полноценной работы кафедры оправданий своему бездействию и спокойно, шаг за шагом, начал фактически с нуля создавать кафедру и налаживать учебный процесс. Но главным залогом успеха, позволившем А. И. Полунину не только создать кафедру, но и сделать ее одной из ведущих кафедр медицинского факультета Московского университета в 50-х годах XIX века, стала его блестящая профессиональная подготовка.

После окончания в 1842 г. медицинского факультета Московского университета А. И. Полунин более 4 лет изучал медицину и совершенствовался в области патологической анатомии и общей патологии в лучших университетах Германии, Австрии, Франции и Англии. Он учился и работал на кафедрах, в клиниках и институтах И. Мюллера, Р. Ремака, К. Рокитанского, Й. Шкоды, Г. Андраля, Ж. Буйо и др. [1]. В совершенстве владея 5 европейскими языками и обладая незаурядной памятью, он уже в те годы ввел для себя за правило тщательно изучать всю выходящую в свет медицинскую литературу и таким образом постоянно находился во всеоружии самого современного знания. Этому правилу А. И. Полунин не изменил и после избрания его заведующим кафедрой, и в 50-х годах XIX века он по праву считался одним из самых эрудированных преподавателей медицинского факультета Московского университета. "Украшением факультета, грозой невежества и незнания" называл А. И. Полунина И. Ф. Огнев [7, с. 22]. Не склонный к реверансам в адрес учивших его профессоров, И. М. Сеченов в своих "Автобиографических записках" прямо называл А. И. Полунина "медицинской звездой" и отмечал, что "у студентов-медиков Алексей Иванович считался едва ли не самым ученым из медицинских профессоров..." [16, с. 54, 55].

Имея возможность детально познакомиться с самыми современными течениями в общей патологии и лично поучиться у их ведущих представителей, А. И. Полунин осознанно остановил свой выбор на гуморальной патологии К. Рокитанского. Он настолько проникся идеологией этого учения,

что, выражаясь словами С. П. Боткина, "теория о кразах Рокитанского" была принята им "как окончательное слово науки, сомнение в котором было невозможно" [4, с. 2]. А. И. Полунин искренне уверовал в непогрешимость учения К. Рокитанского, и во многом именно эта искренность позволила ему в 50-е годы XIX столетия преодолеть возникшие перед ним проблемы и завоевать умы и сердца студентов.

Анализ опубликованных отчетов и сохранившихся в архиве учебных программ А. И. Полунина свидетельствует, что структура и основное содержание читавшегося им курса были полностью идентичны знаменитому руководству К. Рокитанского. А. И. Полунин сохранил неизменным не только перечень основных подразделов общей и частной патологической анатомии, но даже последовательность изложения материала, избранную К. Рокитанским, и, например, знакомил слушателей с главной проблемой курса — "учением о кразах крови" — на стыке общей и частной патологической анатомии. "Твердые части нашего тела образуются из жидкости; в процессе обновления в органы из питательного сока поступает новое вещество, а из органов обратно входит вещество в кровь; потому связь между так называемыми твердыми частями нашего тела и жидкими очевидна: изменения в одних непременно влекут за собой перемены и в других", — говорится в составленной А. И. Полуниним "Программе преподавания... на 1-е полугодие 1850/51 академического года". Основываясь на убеждении о важности перемен в соках животного тела, Профессор при переходе от Общей Патологической Анатомии к Частной излагает современное учение о болезнях крови⁵.

Руководство К. Рокитанского было главным, но далеко не единственным источником для преподавания как патологической анатомии, так и общей патологии. Для более подробного рассмотрения ряда частных проблем обоих курсов А. И. Полунин использовал учебники и руководства Энгеля, Фогеля, Андраля, Генле, Вундерлиха, Шомеля, Шульце, а также патоло-анатомические атласы Крювелье, Бокка, с помощью которых, особенно на первых порах, старался компенсировать отсутствие полноценного патолого-анатомического музея. На тот момент это были лучшие источники для преподавания патологической анатомии и общей патологии. Однако и ими А. И. Полунин не ограничился. Прекрасно владея знанием современной ему медицинской литературы, он постоянно совершенствовал свои лекционные курсы за счет включения в них результатов новейших научных исследований, проводившихся в Германии, Англии, Франции, Австрии. Одним из подтверждений сказанному может служить начало использования в учебном процессе "сочинений" Р. Вирхова. Мы не располагаем данными о том, какие именно работы Р. Вирхова стали служить одной из основ для преподавания сначала патологической анатомии (с 1852/53 учебного года) [9, с. 23], а затем и общей патологии (с 1853/54 учебного года) [10, с. 23], но, скорее всего, А. И. Полунин использовал публикации, в которых нашли отражение результаты исследований Р. Вирхова по проблемам тромбоза и эмболии,

⁴ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 356. — Д. 59. — Л. 1—41.

⁵ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 357. — Д. 82. — Л. 78—79.

получившие широкий резонанс в Европе на рубеже 40 — 50-х годов XIX столетия. Отдельно заметим, что это нововведение не следует трактовать как попытку А. И. Полунина выйти за пределы идеологии гуморальной патологии К. Рокитанского. Не следует потому, что сам Р. Вирхов в те годы еще не мог опровергнуть основные положения учения К. Рокитанского.

А. И. Полунин не был выдающимся лектором, а его манера произносить нараспев предлоги и союзы вызывала подчас даже улыбку у слушателей. Однако информационная насыщенность и высочайший научный уровень его лекций с лихвой компенсировали все недостатки формы изложения.

Немаловажную роль в успехе, которым пользовались у студентов лекционные курсы А. И. Полунина, играло и его стремление добиваться максимально возможной наглядности преподавания. Во-первых, как следует из сохранившихся документов, в ходе занятий он "постоянно показывал анатомо-патологические препараты и рисунки Патологической Гистологии". Благодаря значительной работе, проводившейся им совместно с прозектором кафедры Н. Летуновым и помощником прозектора Л. Орловским, количество "спиртовых препаратов" в музее анатомико-патологического кабинета увеличивалось с каждым годом на 30—50 единиц хранения, и концу 50-х годов XIX века коллекция насчитывала уже 437 препаратов. Параллельно благодаря активности А. И. Полунина шло пополнение и библиотеки кафедры, в первую очередь за счет приобретения атласов. Во-вторых, в опубликованных отчетах Московского университета за 50-е годы XIX века А. И. Полунин неизменно указывал, что он "в течение курса... для пояснения некоторых важных патологических процессов... производил опыты на животных" [8, с. 31].

Кроме лекционных курсов, призванных донести до студентов основы идеологии гуморальной патологии К. Рокитанского, А. И. Полунин организовал проведение и практических занятий, основными задачами которых были, во-первых, закрепление у студентов лекционного материала, а во-вторых, обучение их навыкам проведения секционных исследований. На этих занятиях студенты под руководством профессора самостоятельно вскрывали трупы умерших в госпитальных клиниках⁶, выявляли и описывали патоморфологические изменения. А. И. Полунин в случае необходимости исправлял сделанные студентами ошибки и в конце занятия разбирал данный "болезненный процесс в целостности". "Студенты 5-го курса по очереди вскрывали умерших в Госпитальной Клинике и описывали найденное при вскрытии, — говорится, например, в Отчете о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1849—1850 академический и 1850 гражданский годы". До начала исследования трупа повторялась история болезни умершего. Самое исследование производилось в следующем порядке: а) наружный осмотр; б) вскрытие полостей: 1) черепа, 2) груди, 3) живота. Кроме сих полостей, в тех случаях, где болезненные явления подозревались в других частях тела, и эти исследовались. На соки и вообще на так называемые жидкие части организма обращает-

⁶Ежегодно вскрывалось от 120 до 170 трупов.

мо было такое же внимание, как и на твердые. Профессор указывал явления незамеченные Студентом или неправильно обозначенные; — останавливался на явлениях, Студентам неизвестных, и объяснял оные. Он не ограничивался определением причины смерти, а по окончании исследования трупа, отделял явления существенные от менее важных и показывал их отношение между собою; сравнивал припадки, замеченные у больного, с анатомическими изменениями, открытыми в трупе, и указывал на их связь; рассуждал со Студентом о данном болезненном процессе в целостности. Таким образом Патологическая анатомия преподавалась в связи с Клинической Патологиею" [8, с. 31].

Как видно из приведенной цитаты, практические занятия также были достаточно тесно увязаны с "учением Рокитанского" и его видением целей и задач патологической анатомии. Об этом свидетельствуют, во-первых, прямое указание на особую важность исследования "соков и вообще так называемых жидких частей организма", а во-вторых, ярко выраженный акцент на рассмотрение проблемы клинко-анатомических корреляций. Напомним, что именно К. Рокитанский придал этой проблеме наибольший размах и был последним патологом, считавшим проблему клинко-анатомических корреляций главным предметом изучения патологической анатомии. Обращает на себя внимание и описанная методика проведения секционных исследований. А. И. Полунин прямо указывал, что "исследовались" не отдельные органы, а "полости тела. Иными словами, органы рассекались и изучались *in situ* (без извлечения их из трупа), что полностью соответствовало методике вскрытий, использовавшейся К. Рокитанским [2].

Отдельного упоминания заслуживает деятельность А. И. Полунина по пропаганде важности микроскопического метода исследования в патологии и обучению этому методу студентов медицинского факультета Московского университета. Напомним, что А. И. Полунин учился у К. Рокитанского, И. Мюллера, Р. Ремака и в совершенстве овладел как техникой приготовления гистологических препаратов, так и собственным микроскопическим методом исследования. Кроме уже упоминавшихся выше демонстраций студентам "рисунков Патологической Гистологии" на лекциях по общей патологии и общей патологической анатомии, он в ходе практических занятий по патологической анатомии постоянно обращал внимание Студентов на тончайшие изменения в строении, открываемые микроскопом, и упражнял их в производстве микроскопических исследований" [8, с. 31]. С этой целью уже в 1850 г. по заявке А. И. Полунина для кафедры патологической анатомии и патологической физиологии было приобретено 3 микроскопа [8]. В 1857 г. он перевел, на собственные средства опубликовал и начал использовать в учебном процессе знаменитое руководство Келликера "Микроскопическая анатомия человеческого тела". Однако, судя по всему, это, считавшееся лучшим для своего времени, руководство сравнительно скоро перестало удовлетворять А. И. Полунина, и в конце 50-х годов он приступил к составлению собственного учебника по "микроскопической анатомии".

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении документы, относящиеся к деятельности А. И. Полунина на посту заведующего кафедрой

патологической анатомии и патологической физиологии в 50-х годах XIX века, позволяют с уверенностью говорить о том, что медицинский факультет не ошибся в сделанном выборе. Оказавшись в роли человека, брошенного в воду, он не только выплыл, но и доказал, что умеет плавать даже лучше тех, кто бросал его в воду. "Патологическую анатомию и общую патологию преподавал нам ученик венской школы, почтенный профессор Полунин — последователь учения Рокитанского, этого представителя гуморального направления того времени, — писал учившийся на медицинском факультете Московского университета в 1850—1855 г. С. П. Боткин. — Проф. Полунин был в мое время одним из наиболее молодых профессоров, недавно вернувшихся из-за границы, и, без сомнения, имел наибольшее влияние на наше развитие" [4, с. 2].

Первый заведующий кафедрой патологической анатомии и патологической физиологии Московского университета "имел наибольшее влияние на ... развитие" лишь до конца 50-х годов XIX столетия, до времени начала революционных преобразований в патологии, вызванных идеями Р. Вирхова. В литературе высказывается несколько суждений в отношении того, как А. И. Полунин воспринял эти преобразования. Одно появилось еще при жизни А. И. Полунина, на рубеже 60—70-х годов XIX века, и было впервые публично высказано Н. Белоголовым. Суть его сводилась к тому, что "реформацию, произведенную Вирховым и его талантливою школой, он долго не мог усвоить, да и теперь не усвоил, хотя и принял ее, но не по убеждению, а как бы на веру, вынужденный временем и силой обстоятельств" [3, с. 26—27]. Другое сформировалось в отечественной историко-медицинской литературе в советский период и состояло в том, что А. И. Полунин одним из первых оценил важность вирховских работ для развития медицины. Однако, являясь независимо мыслящим ученым, он быстро понял ограниченность и односторонность клеточной патологии Р. Вирхова, подверг ее обоснованной критике, а для своей научной и педагогической деятельности взял из публикаций Р. Вирхова только наиболее прогрессивные положения [13].

Анализ творческого наследия А. И. Полунина не позволяет полностью согласиться ни с одним из этих суждений. Так, если более подробно остановиться на втором из приведенных суждений, то прежде всего необходимо отметить, что главным основанием для него служит знаменитая речь А. И. Полунина "О некоторых современных вопросах науки о жизни больного человека", произнесенная 17 апреля 1856 г. в торжественном собрании Московского университета по случаю коронации Александра II. В этой речи А. И. Полунин вначале пересказал основные положения учения "одного из остроумнейших и деятельнейших Германских патологов" Р. Вирхова, а затем подверг ряд из них достаточно жесткой критике.

Критические высказывания А. И. Полунина широко цитировались в советской историко-медицинской литературе, особенно в период развернувшейся в СССР в 40—50-х годах XX века борьбы с "вирховианством". Однако если попытаться проанализировать речь А. И. Полунина 1856 г. беспристрастно, то главное, что обращает на себя внима-

ние, это не столько сама критика, сколько тот материал, в отношении которого она высказывалась. А. И. Полунин обобщил идеи, высказанные Р. Вирховом в его ранних работах, датированных концом 40-х — первой половиной 50-х годов XIX века. Для Р. Вирхова это был период творческого поиска. Как уже отмечалось в предыдущих сообщениях, Р. Вирхов далеко не сразу пришел к тем выводам, которые составили суть осуществленного им и его последователями переворота в патологии. Так, например, он, подобно своему учителю И. Мюллеру, достаточно долго разделял высказанную Т. Шванном концепцию зарождения клеток из бластемы и смог сформулировать свое знаменитое положение *omnis cellula a cellula* лишь после выхода в 1852 г. в свет работ Р. Ремака.

А. И. Полунин не смог до конца разобраться в этой сложности ранних работ Р. Вирхова. При формальном же сопоставлении публикаций Р. Вирхова динамика изменений его взглядов и представлений неминуемо превратилась в прямые и явные противоречия, которые, в свою очередь, и составили основной объем полунинской критики. "Вирхов составил положение: *omnis cellula a cellula*, — указывал, например, А. И. Полунин. — Действительно, в большинстве случаев новая клеточка развивается из частей старой или даже внутри старой; но такой способ развития клеточки не исключительный. Вирхов сам описывает образование клеточек в свернувшемся экссудате и в свертке крови из элементов экссудата и свертка, без содействия прежде развитых клеточек. Этот факт не согласен с общим положением: *omnis cellula a cellula*, которое поспешит составить автор клеточной теории болезни" [15, с. 193].

Такое критическое замечание, построенное на выявлении противоречий в работах Р. Вирхова, было не единственным в выступлении А. И. Полунина 1856 г., что позволяет отчасти согласиться с Н. Белоголовым. А. И. Полунин действительно далеко не сразу смог "усвоить реформацию, произведенную школой Вирхова". Однако сказанное не следует воспринимать как упрек в адрес А. И. Полунина. В середине 50-х годов XIX века в аналогичном положении находились подавляющее большинство врачей и патологов. Вспомним слова С. П. Боткина: "Привыкли слышать общие катехизисные истины, мы лишены были возможности отличать гипотезу от фактов. Еще менее, конечно, умели ценить отдельные факты и давать им истинное значение. Не думайте однако же, что я был исключением... В те времена Вирхов был доступен не многим, учение его далеко не было общим достоянием, как теперь, а метод его исследования и мышления был доступен только исключительным лицам" [4, с. 2].

Н. Белоголовый, правда, утверждал, что к концу 60-х годов А. И. Полунин "не усвоил" учения Р. Вирхова. Однако с этим утверждением не позволяет согласиться обнаруженная нами стенограмма одного из заседаний 2-го Съезда русских естествоиспытателей, состоявшегося в Москве в 1870 г., на котором А. И. Полунин выступил с небольшой речью "О воззрениях врачей на болезни и на лечение их". В этом коротком выступлении А. И. Полунин продемонстрировал уверенное владение современной ему литературой, свободное и достаточно глубокое знание результатов наиболее актуальных ис-

следований Вирхова, Мюллера, Ценкера, Конгейма и других крупнейших патологов второй половины XIX века, исчерпывающе точно и емко сформулировал сложившиеся под влиянием работ Р. Вирхова представления о сущности таких патологических процессов, как экссудация, рак, бугорчатка, золотуха и др. "При господстве гуморальной патологии в наше время думали, что рак первоначально появляется вследствие худосочия, что при раке опухоль есть местное выражение общего болезненного состояния, говорил, например, А. И. Полунин. — Под влиянием целлюлярной патологии, заменившей гуморальную, убедились, что рак, как и многие другие злокачественные произведения, если не всегда, то очень часто первоначально является, как болезнь местная, как местная опухоль; от первоначального гнезда опухоль распространяется далее и вследствие распада первичных опухолей развивается худосочие, которое, по-видимому, есть явление последовательное... По воззрению гуморальных патологов, раковая опухоль есть местное выражение общего худосочия и потому, по их мнению, необходимо до операции излечить худосочие; в противном случае, по отнятии опухоли, она снова покажется. По учению целлюлярной патологии... нужно прибегать к операции в начале болезни, до развития худосочия. Если опухоль, после удаления ее из организма, снова возвращается, то большею частью от того, что к операции приступили поздно или что выделили из организма не все пораженное раком; когда развивается последовательное худосочие, когда покажутся вторичные раковые опухоли во внутренних органах, то о коренном лечении не может быть и речи" [14, с. 74].

Анализ речи 1870 г. позволяет высказать предположение, что основная проблема А. И. Полунина состояла не в том, чтобы "усвоить" и оценить важность нового знания. Это как раз ему вполне удалось. Главной проблемой А. И. Полунина стала необходимость отказаться от прежних убеждений или, точнее сказать, верований. Они были для него не просто материалом для лекционных курсов. Они составляли основу его врачебного мышления. Он ими думал и в соответствии с ними действовал. В их постижении состоял смысл его студенческой жизни, с ними он поднялся на университетскую кафедру, благодаря им он завоевал признание студентов и уважение коллег. И вдруг, буквально в одночасье, все рухнуло. Перенести такой удар без последствий для своей педагогической, научной и врачебной деятельности было по силам лишь великим ученым, таким, как К. Рокитанский.

Косвенным свидетельством в пользу версии о том, что А. И. Полунин не столько не понял, сколько не принял новый взгляд на болезнь, может служить сопоставление его речей 1856 и 1870 гг. Если речь 1856 г. представляет собой яркое, эмоциональное, насыщенное полемикой и образными выражениями выступление, то речь 1870 г. — сухая скучная констатация фактов. Обращает на себя внимание и то, как А. И. Полунин закончил свое выступление на 2-м Съезде русских естествоиспытателей. Закончил выражением сдержанной надежды на скорый пересмотр возникших под влиянием Р. Вирхова новых взглядов на болезнь. "Вообще история нашей науки показывает, — говорил А. И. Полунин, — что в разные времена воззрения

на болезни и их лечение менялись. Воззрения, соответствовавшие состоянию науки в данное время, позже были оставляемы, как скоро, вследствие успеха науки, оказывались несостоятельными. Зная это, при всем уважении к современным воззрениям, мы не должны их переоценивать, должны помнить, что и они отнюдь не последнее слово в науке: один факт, подмеченный и противоречащий этим воззрениям, может быть основательным поводом к замене их другими [14, с. 74].

Судя по всему, А. И. Полунин вплоть до выхода в отставку в 1879 г. так и не смог полностью смириться с необходимостью принять "новые воззрения", и это обстоятельство наложило свой отпечаток на всю его дальнейшую деятельность, в том числе и как заведующего кафедрой. Из сказанного не следует, что А. И. Полунин не стал ничего менять и продолжил вести занятия по-старому. Напротив, уже в 1859—1860 гг. начали предприниматься первые шаги, направленные на приведение материально-технической базы кафедры, а главное, организации и содержания учебного процесса, в соответствие с новыми взглядами на цели и задачи патологической анатомии и общей патологии как наук и учебных дисциплин.

По данным Н. Ф. Мельникова-Разведенкова, "еще весной 1859 г. студенты слушали гуморальную теорию развития болезней, осенью же 1859 г. в лекциях А. И. эта гуморальная теория болезней была заменена целлюлярной" [6, с. 9]. Для того чтобы максимально облегчить студентам задачу "понимания новых воззрений", А. И. Полунин перевел на русский язык и опубликовал в приложении к издававшемуся им "Московскому врачебному журналу" 20 избранных лекций Р. Вирхова по курсу целлюлярной патологии. Кроме того, как указывал сам А. И. Полунин, он "не имея средств приложить к составленному... извлечению превосходные рисунки, находящиеся в сочинении Вирхова, ... для своих слушателей выделил эти рисунки из немецкого издания, наклеил их на папку и повесил в аудитории". "При помощи подробного объяснения рисунков, — продолжал далее А. И. Полунин, — учащиеся могут ими удобно пользоваться" [6, с. 9].

В 1860 г. по заявке А. И. Полунина к 3 имеющимся на кафедре микроскопам было приобретено еще 3, а в течение последующих 6 лет общее количество микроскопов доведено до 18. Начиная с 1861/62 учебного года увеличился объем преподавания элементов патологической гистологии, включая самостоятельную работу студентов по освоению микроскопического метода исследования. "При преподавании Патологической Анатомии постоянно обращается внимание на изменения гистологические, и студенты почти ежедневно упражняются в микроскопических исследованиях", — говорится, например, в отчете Московского университета за 1861/62 учебный год [11, с. 10].

Решения о внесении перечисленных изменений принимал А. И. Полунин, и этот факт в высшей степени положительно его характеризует. Как университетский профессор он не мог допустить и не допустил, чтобы его личные внутренние терзания отразились бы на качестве подготовки студентов. Коллективные врачебные представления 60-х годов XIX века уже не допускали игнорирования вирховских взглядов на болезнь и сформулированных им подходов к их изучению, и А. И. Полунин сде-

лал все от него зависевшее, чтобы обеспечить студентам возможности познакомиться с ними.

Однако проводил в жизнь эти преобразования А. И. Полуниин не сам. Мы точно не знаем, по какой причине это произошло. Вероятнее всего, он посчитал, что не сможет быть столь уже эффективен, как прежде, и практической реализацией преобразований в организации и содержании учебного процесса на кафедре патологической анатомии и патологической физиологии в 60-х годах XIX века занимался главным образом И. Ф. Клейн, вначале (в 1861—1863 гг.) в качестве лекаря, оставленного на кафедре патологической анатомии и патологической физиологии для подготовки докторской диссертации, а затем (в 1864—1869 гг.) после защиты диссертации и возвращения со стажировки у Р. Вирхова в качестве прозектора кафедры. Именно И. Ф. Клейн готовил гистологические препараты и проводил упоминавшиеся выше занятия по патологической гистологии [12], читал лекционные курсы общей патологии и общей патологической анатомии⁷, в первую очередь призванные донести до Студентов новое представление о сущности патологических процессов.

Что же касается самого А. И. Полунина, то по мере того, как набирал силу и опыт И. Ф. Клейн, он все более и более удалялся от научной и педагогической деятельности, постепенно теряя свой громкий статус грозы невежества и незнания". Весьма показательно, что, начиная с 1859 г., т. е. с того момента, когда К. Рокитанский публично признал полную правоту Р. Вирхова, А. И. Полуниин не опубликовал ни одной научной статьи и лишь однажды выступил перед аудиторией коллег. Из всех кафедральных курсов он оставил за собой лишь курс частной патологической анатомии. Безусловно, "реформация, произведенная школой Вирхова", коснулась и этого раздела патологической анатомии, но в 60-х годах XIX столетия принципи-

⁷Еще в 1851 г., как следует из Донесения А. И. Полунина "в медицинский факультет", он объединил преподавание лекционных курсов общей патологической анатомии и патологической физиологии (общей патологии) и читал студентам 4-го полугодия Общую Патологическую Анатомию и Патологическую Физиологию" (ЦИ-АМ. — Ф. 418. — Оп. 358. — Д 1. — Л. 15).

ально нового в этой области было еще немного. "С той поры. — прямо отмечал С. И. Огнев, — он перестал интересоваться своим предметом и работать самостоятельно... В семидесятых годах А. И. Полуниин представлял собой ученого, давно отошедшего от науки, "бывшего человека" [7, с. 22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексей Иванович Полуниин. Некролог // Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1889 года. — М., 1889. — С. 162—163.
2. Аничков Н. М., Серов Ю. Л. // Арх. пат. — 2009. — Вып. 1. — С. 2—4.
3. Белоголовый Н. // Арх. суд. мед. и обществ. гиг. — 1869. — № 4. — С. 26—27.
4. Боткин С. П. // Ежедневная клин. газета. — 1881. — № 3. — С. 2—5.
5. Губарев А. П. В. Ф. Снегирев. Некролог. — М., 1917.
6. Мельников-Разведенков Н. Ф. // Сборник статей, посвящ. профессору Московского университета Ивану Федоровичу Клейну его учениками в день тридцатилетия его преподавательской деятельности. — М., 1892. — С. 1—25.
7. Огнев С. И. Заслуженный профессор Иван Фролович Огнев (1855—1928). — М., 1944.
8. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1849—1850 академический и 1850 гражданский годы. — М., 1851.
9. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1852—1853 академический и 1853 гражданский годы. — М., 1854.
10. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1853—1854 академический и 1854 гражданский годы. — М., 1855.
11. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1861—1862 академический и 1862 гражданский годы. — М., 1863.
12. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1864—1865 академический и 1866 гражданский годы. — М., 1866.
13. Пионтковский И. А. А. И. Полуниин. — М., 1949.
14. Полуниин А. И. // Моск. врач. журн. — 1856. — Кн. 3—4. — С. 193.
15. Полуниин А. И. // Труды 2-го съезда русских естествоиспытателей в Москве. — М., 1870. — Вып. 1. — С. 72—74.
16. Сеченов И. М. Автобиографические записки. — М., 1945.

Поступила в редакцию 23.09.09